

доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник

Института русской литературы
(Пушкинский Дом)

(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

kibalnik007@mail.ru

«ЭПИЗОД С СОВРЕМЕННЫМИ ПОЗИТИВИСТАМИ» В РОМАНЕ ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ» (ИЗ ДОПОЛНЕНИЙ К КОММЕНТАРИЮ)*

Аннотация. VII–X главы второй части романа Достоевского «Идиот» обычно рассматриваются в контексте полемики писателя с идеями позитивизма. Между тем в первую очередь эти главы направлены против философского анархизма: прямо против «социального анархизма» П.-Ж. Прудона и косвенно — против «индивидуалистического анархизма» М. Штирнера. С этим связаны детали биографии Штирнера, криптографически отображенные в рассказе Гани Иволгина о судьбе отца Антипа Бурдовского. В романе «Идиот» в связи с Бурдовским и К° звучат мотивы не столько философского позитивизма, сколько анархизма, а интертекстуальность в этих главах проявляется не только через содержащиеся в некоторых декларациях героев аллюзии на идеи европейского и русского анархизма, но и через детали происхождения одного из них. Этим способом лишний раз удостоверяется внутренняя связь героев «Идиота», аттестованных Лебедевым как «некоторое последствие нигилизма», с идеями не столько позитивизма, сколько анархизма.

Ключевые слова: Достоевский, роман «Идиот», позитивизм, анархизм, индивидуализм, герой, прототип, интертекст, полемика, криптография

Интертекст художественного произведения включает в себя не только собственно литературные, но и философские тексты. Как известно, особое место в интертексте произведений Достоевского занимают сочинения Людвиг Фейербаха и Макса Штирнера, а также таких посредников в усвоении их в России, каким был, в частности, Н. А. Спешнев (см. его «Письма к К. Э. Хоецкому»¹).

Штирнеровская философия «индивидуалистического анархизма», которую исповедуют многие герои Достоевского, стала известна писателю еще в ходе посещения кружка М. В. Петрашевского и претворилась в его творчестве как в виде разрозненных эмоциональных деклараций «подпольного парадоксалиста» («Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить»), так и в виде логически обоснованных построений в газетной статье Раскольникова или монологах Ивана Карамазова [4, 219–232, 367–381]. См. также: [5], [8], [11].

Еще более своеобразное преломление мотивы «индивидуалистического анархизма» Штирнера получили в романе Достоевского «Идиот» — в VII–X главах второй части, в которых на сцену является группа второстепенных героев, рекомендованных Лебедевым как «*некоторое последствие нигилизма*» (здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, в цитатах курсив мой. — С. К.)²: Ипполит Терентьев, Антип Бурдовский, племянник Лебедева Владимир Докторенко и Келлер.

1

В исследовательской литературе пристальное внимание уделялось только одному из них — Ипполиту Терентьеву (см., напр.: [1]), между тем как вопрос об остальных и о направлении, которого придерживается вся эта компания в целом, нуждается в уточнении. Обычно исследователи, опираясь на определение самого Достоевского: «*современные позитивисты из самой крайней молодежи*» (28₂; 305) — анализируют их идеи и поведение в контексте позитивистской философии. Впрочем, приведенная характеристика дана писателем этим героям «Идиота» в письме к А. Н. Майкову от 22 июня (4 июля) 1868 года, а в самом романе они наделяются гораздо более общими и расплывчатыми характеристиками.

Попытаемся разобраться, только ли с идеями позитивизма ассоциируются эти герои, которых Лебедев со слов своего племянника Докторенко аттестует еще так:

...мой племянник говорил, что они *дальше нигилистов ушли-с*. Вы напрасно думаете их вашим свидетельством сконфузить, ваше превосходительство; они не сконфузятся-с. Нигилисты все-таки иногда народ сведущий, даже ученый, а эти — *дальше пошли-с, потому что прежде всего деловые-с*. <...> не в статейке какой-нибудь журнальной заявляют себя, а уж прямо на деле-с; <...> а теперь уже считается прямо за право, что *если очень чего-нибудь захочется, то уж ни пред какими преградами не останавливаться*, хотя бы пришлось укокошить при этом восемь персон-с (8; 213–214).

Сосредоточимся для этого преимущественно на фигуре Антипа Бурдовского, который считает себя незаконным сыном опекуна князя Мышкина Павлищева. На этом основании он сам и его своеобразная «группа поддержки» требуют, чтобы унаследовавший состояние Павлищева Мышкин поделился с ним этим наследством.

При своем первом появлении у князя на даче Лебедева в Павловске в присутствии Епанчиных и Радомского Бурдовский изображен следующим образом:

Ни малейшей иронии, ни малейшей рефлексии не выражалось в лице его; напротив, *полное, тупое упоение собственным правом* и в то же время нечто доходящее до странной и беспрерывной потребности быть и чувствовать себя

постоянно обиженным. Говорил он с волнением, торопясь и запинаясь, как будто не совсем выговаривая слова, *точно был* косноязычный или даже *иностранец*, хотя, впрочем, был происхождения совершенно русского (8; 215).

Поведение Бурдовского и его спутников самими героями романа воспринимается по-разному. Так, например, у Гани Иволгина сложилось впечатление, что «он (Бурдовский. — С. К.), благодаря некоторым убеждениям своим, до того был настроен Чебаровым и окружающею его компанией, что начал дело почти совсем и не из интересу, а *почти как служение истине, прогрессу и человечеству*» (8; 234). Гораздо более жестко смотрит на Бурдовского Лизавета Прокофьевна Епанчина:

Да этот косноязычный, разве он не зарежет (она указала на Бурдовского, смотревшего на нее с чрезвычайным недоумением)? Да побьюсь об заклад, что зарежет! Он денег твоих, десяти тысяч, пожалуй, не возьмет, пожалуй, и по совести не возьмет, а *ночью придет и зарежет, да и вынет их из шкатулки. По совести вынет!* Это у него не бесчестно! Это «благородного отчаяния порыв», это «отрицание», или там черт знает что... Тьфу! всё навыворот, все кверху ногами пошли (8; 237).

Менее эмоциональный, но зато более аналитический диагноз выносит Бурдовскому и компании Радомский:

...всё, что я выслушал от ваших товарищей, господин Терентьев, и всё, что вы изложили сейчас, и с таким несомненным талантом, сводится, по моему мнению, к *теории восторжествования права*, прежде всего и мимо всего, и даже с исключением всего прочего, и даже, может быть, прежде исследования, в чем и право состоит? <...> я только хотел заметить, что от этого *дело может прямо перескочить на право силы*, то есть на право единичного кулака и личного захотения, как, впрочем, и очень часто кончалось на свете. *Остановился же Прудон на праве силы* (8; 245).

В приведенных характеристиках можно заметить некоторые аллюзии не на позитивистские, а на другие идеи — в частности, на идеи современных Достоевскому европейских и русских социалистов и анархистов. Не случайно Радомскому приходит на ум имя П.-Ж. Прудона. Впрочем, объявляя «собственность» в своей на шумевшей книге «Что такое собственность?» (<1840>) «кражей», потому что она противоречит «справедливости», Прудон, который был представителем так называемого «социального анархизма», отрицал как частную, так и государственную собственность («общность»): в «собственности» неравенство условий порождается «силой», в «общности» его производит посредственность, оцениваемая одинаково с «силой». В этом смысле Прудон действительно «остановился на <...> праве силы», считая справедливым «захват» всей собственности «обществом», чтобы она никому не принадлежала, а лишь использовалась³.

Именно за это его критиковал один из идейных отцов «индивидуалистического анархизма» Макс Штирнер, который в своей книге «Единственный и его собственность» (<1844>) противопоставил Прудону культ личной собственности:

Итак, что такое моя собственность? Только то, что в моей *власти!* На какого рода собственность имею я право? На всякую, на которую я *даю себе право* (курсив Штирнера. — С. К.).

При этом он тоже отождествлял «силу» с «правом»:

Право на собственность я даю себе тем, что присваиваю себе собственность или *даю себе власть*⁴ *собственника*, полномочие права. То, что не могут у меня отнять, остается моей собственностью; так *пусть же сила решает вопрос собственности, и я буду ждать всего от моей силы!* [10, 244].

Симптоматично, что Докторенко основывает притязания Бурдовского к Мышкину на принципе «справедливости», взывает к его «здравому смыслу» и подчеркивает, что это не просьба, а требование:

Если признаете (что очевидно), то намерены ли вы, или находите ли вы *справедливым* по совести, в свою очередь получив миллионы, вознаградить нуждающегося сына Павлищева <...> Если *да* (курсив Ф. М. Достоевского. — С. К.), то есть, другими словами, если в вас есть то, что вы называете на языке вашем честью и совестью и что мы точнее обозначаем названием *здрового смысла*, то удовлетворите нас, и дело с концом. Удовлетворите без просьб и без благодарностей с нашей стороны, не ждите их от нас, потому что вы *делаете не для нас, а для справедливости*. <...> мы все-таки *требуем, а не просим*. Требуем, а не просим!.. (8; 223–224).

Именно убежденность всей этой честной компании в собственном «праве» более всего поразила Мышкина: «...не хотят себя даже считать преступниками и думают про себя, что *право имели* и... даже хорошо поступили, то есть почти ведь так» (8; 280).

Как уже отмечалось, апелляция к «здравому смыслу», как и к точным наукам («математика», «арифметика»), — это оспоренные Достоевским еще в «Записках из подполья» принципы позитивизма [2, 130]. Что же касается верховенства «справедливости» и основанного на нем права требовать и даже «права» на «захват», то это уже принципы анархизма, причем в данном случае — как «индивидуалистического», так и «социального анархизма».

Однако хотя автор «статьи» о князе и Павлищеве Келлер и ссылается на то, что «*польза общества* прежде всего» (8; 225), читатель воспринимает эту ссылку с поправкой на сделанный непосредственно перед этим отзыв Ипполита о Келлере как о «*промышленнике*» (8; 224), то есть о человеке, действующем в собственных интересах. Поэтому здесь возникают ассоциации прежде всего с «индивидуалистическим анархизмом» — анархизмом

штирнеровского образца, выраженным самим Штирнером с предельной и подкупающей откровенностью: «Для Меня нет ничего выше Меня» [10, 9]. Пагубную притягательность такого анархизма и «эгоизма» Достоевский изобразил в «Записках из подполья» и «Преступлении и наказании» (см. об этом: [5], [4], [11]). Эти ассоциации, кстати сказать, находят опору и в других местах романа — в частности, в признании Келлера князю, что «он до того было потерял “всякий призрак нравственности” (“единственно от безверия во всевышнего”), что даже воровал» (8; 256); Келлер предстает здесь своего рода пародийным предвосхищением Ивана Карамазова⁵.

2

Изучивший вопрос о возможном родстве Бурдовского с Павлицевым Ганя Иволгин так излагает происхождение этого героя:

...ваша матушка, господин Бурдовский, потому единственно пользовалась расположением и заботливостью о ней Павлицева, что была родною сестрой той дворовой девушки, в которую Николай Андреевич Павлицев был влюблен в самой первой своей молодости <...> она вышла *по склонности* (и это я точнее образом мог бы доказать) за межевого чиновника, господина Бурдовского, на двадцатом году своего возраста (8; 233).

При этом дальнейшая история его семьи выглядит в устах Иволгина так: «...отец ваш, господин Бурдовский, совершенно не деловой человек, получив *пятнадцать тысяч в приданое за вашей матушкой*, бросил службу, вступил в коммерческие предприятия, был обманут, *потерял капитал*, не выдержал горя, стал пить, отчего заболел и наконец *преждевременно умер, на восьмом году после брака с вашей матушкой*» (8; 233). Значение греческого по происхождению имени героя «Антип» — «отчим», возможно, содержит аллюзии не только на псевдоотцовство по отношению к нему Павлицева, но и на подлинное идейное родство его со Штирнером.

Дело в том, что биография отца Бурдовского странным образом напоминает историю жизни самого Макса Штирнера (1806–1856). Преподававший философию в разных учебных заведениях Берлина Иоганн Каспар Шмидт, который впоследствии взял себе псевдоним «Штирнер», женившись в 1843 году на Марии Денгардт и получив небольшое приданое, оставил преподавание. Вместе с женой они попытались начать собственное дело, но потерпели неудачу и впали в нищету. В 1847 году Штирнер развелся с женой и с тех пор испытывал нужду, перебиваясь то торговлей, то коммиссионерством и т. п. Несколько раз он сидел в тюрьме за долги, ничего значительного после «Единственного...» больше не написал и прожил после всех этих событий не так уж долго (примерно те же *восемь лет*, если правда, считать, не от его брака, а от развода с М. Денгардт).

История жизни Штирнера, без сомнения, в общих чертах была известна Достоевскому. Фигура эта интенсивно обсуждалась в 1840–1860-е годы в среде европейских и русских интеллектуалов. Его книга, запрещенная в России, привлекла к себе пристальное внимание со стороны В. Г. Белинского, А. С. Хомякова и др. [3, 79–84]. Соответственно, не прошла незамеченной и биография немецкого философа. Например, Н. Н. Страхов — правда, несколько позднее — в одной из своих книг даже приводил пример из истории отношений Штирнера с его женой: «...немцы очень весело встретили фейербахизм, находя в нем освобождение от разных авторитетов. Макс Штирнер нашел весьма приличным посвятить свое сочинение своей любовнице, он надписал под своею книгою: *meinem Liebchen Marie...*»⁶.

Жизненный крах Штирнера, должно быть, символизировал в глазах Достоевского невозможность построить личное счастье на принципах «индивидуалистического анархизма». Недаром еще в кружке М. В. Петрашевского Достоевский произнес речь «о личности и эгоизме» (курсив Ф. М. Достоевского. — С. К.), в которой «хотел доказать, что между нами более *амбиции*, чем настоящего человеческого достоинства, что мы сами впадаем в самоумаление, в размельчение личности от мелкого самолюбия, от эгоизма и от бесцельности занятий» (курсив Ф. М. Достоевского. — С. К.) (18; 129). Между тем «извращение понятий и убеждений» Бурдовского и К^о (8; 279) заключается, по характеристике А. П. Скафтымова, в том, что «они устранили из морали свободу и иррациональные нравственные критерии положили на меру и весы рассудка; в дело любви они внесли принуждающие тенденции права» [7, 100].

Таким образом, в романе «Идиот» в связи с Бурдовским и К^о звучат мотивы не столько философского позитивизма, сколько анархизма, а интертекстуальность в этих главах проявляется не только через содержащиеся в некоторых декларациях героев аллюзии на идеи европейского и русского анархизма, но и через детали происхождения одного из них. Этим способом лишний раз удостоверяется внутренняя связь героев «Идиота», аттестованных Лебедевым как «некоторое последствие нигилизма», с идеями не столько позитивизма, сколько анархизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ариповский, В. И. Образ Ипполита в композиционной структуре романа Ф. М. Достоевского «Идиот» / В. И. Ариповский // Вопросы русской литературы. — Львов, 1966. — Вып. № 3. — С. 16–22.
2. Белопольский, В. Н. Достоевский и другие. Статьи о русской литературе / В. Н. Белопольский. — Ростов-на-Дону : Foundation, 2010. — 248 с.
3. Гус, М. С. Идеи и образы Ф. М. Достоевского / М. С. Гус. Изд. 2-е. — Москва : Худ. лит., 1971. — 590 с.

4. Кибальник, С. А. Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского / С. А. Кибальник. — Санкт-Петербург : Петрополис, 2015. — 431 с.
5. Отверженный, Н. Штирнер и Достоевский / Н. Отверженный. — Москва : Голос труда, 1925. — 83 с.
6. Прудон, П.-Ж. Что такое собственность? / П.-Ж. Прудон. — Москва : Республика, 1998. — 367 с.
7. Скафтымов, А. П. Тематическая композиция романа «Идиот» / А. П. Скафтымов // Собрание сочинений : в 3 т. — Самара : Век № XXI, 2008. — 536 с.
8. Смирнов, И. П. Текстомания. Как литература отзывается на философию // И. П. Смирнов. — Санкт-Петербург : Петрополис, 2010. — 207 с.
9. Страхов, Н. Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки / Н. Страхов. [В 3 кн.]. — Санкт-Петербург : Тип. С. Добродеева, 1882. — [Кн. 1]. — 362 с.
10. Штирнер, Макс. Единственный и его собственность / Макс Штирнер. — Харьков : Основа, 1994. — 560 с.
11. Natov, Nadine. Dostoevsky versus Max Stirner / Nadine Natov // Dostoevsky Studies. New Series. — Vol. VI (2002). — Pp. 28–38.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Специфика философского интертекста в художественном произведении (Творчество Достоевского и западноевропейская философия XIX в.)» (№15-04-00497а).

¹ Спешнев Н. А. Письма к Хоецкому // Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. М., 1953. С. 477–504. См. об этом: [4, 373–375].

² Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 8. Л.: Наука, 1973. С. 213. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома и страницы в круглых скобках.

³ См.: [6]. Высказывалось предположение о том, что в словах Радомского «вероятнее всего, писатель имел в виду сочинение Прудона “Война и мир” (Т. 1–2, 1861), где война провозглашается “источником права» (Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Канонические тексты. Т. VIII. Петрозаводск, 2009. С. 790).

⁴ *власть* — курсив Штирнера и мой. — С. К.

⁵ О связи этого образа с философией Штирнера см.: [4, 311]; [11, 33–38].

⁶ См.: [9, 70]. Правда, при этом Страхов допустил маленькую неточность: М. Денгардт была уже в это время женой Штирнера. — С. К.

Дата поступления в редакцию: 18.11.2015